

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-2-7

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СКОНСТРУИРОВАННОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© *Алексей Викторович Агеев*

*Читинское суворовское военное училище Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Чита, Россия*

ageevalex@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема деструктивного русофобского национализма в современном российском обществе и позиция ряда исследователей о неспособности русских к выработке собственной национальной идеи и построения национальной субъектности. Отмечено, что причиной столь опасного утверждения является игнорирование иного понимания этнокультурного бытия в рамках русской идеи. Показано, что заимствование идеи нации, возможное вне русской идеи, разрушительно по своей сути в ее рамках. Представлен ряд концептуальных положений русской идеи, ведущих к утверждению того, что национализм, создающий нации в рамках православной цивилизации, имеет не ценностное, а инструментальное значение. Следовательно, русская идея, утверждающая ценность этнокультурного субъекта, не может согласиться с цивилизационными масштабами идеи нации, как отрицания идеи культуры.

Ключевые слова: национальная идея, идея нации, народ, масса, этнокультурная идентичность, преемственность, субъектность, идеология, самобытность, русская идея.

Для цитирования: Агеев А.В. Русская идея как концептуальное противодействие сконструированному национализму в российском обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 105. № 4. С. 2-7. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-2-7

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

The Russian idea as a conceptual counteraction to constructed nationalism in Russian society

© *Alexey V. Ageev*

*Chita Suvorov Military School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chita,,
Russian Federation*

ageevalex@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of destructive Russophobic nationalism in modern Russian society and the position of a number of researchers on the inability of Russians to develop their own national idea and build national subjectivity. It is noted that the reason for such a dangerous statement is the disregard of a different understanding of ethnocultural existence within the framework of the Russian idea. It is shown that borrowing the idea of a nation, which is possible outside the Russian idea, is inherently destructive within its framework. A number of conceptual provisions of the Russian idea are presented, leading to the assertion that nationalism, creating nations within the framework of Orthodox civilization has not a value, but an instrumental meaning. Consequently, the Russian idea, which asserts the value of an ethnocultural subject, cannot agree with the civilizational scale of the idea of a nation, as a denial of the idea of culture.

Key words: national idea, idea of a nation, people, mass, ethnocultural identity, continuity, subjectivity, ideology, identity, Russian idea.

For citation: Ageev A.V. The Russian idea as a conceptual counteraction to constructed nationalism in Russian society. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 105. No 4. P. 2-7. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-2-7

Введение

Русская идея в контексте противостояния заимствованию идеи нации рассматривается запоздалым феноменом истории современных субъектностей. Отсутствие нации в России или ее присутствие в качестве подражательной русофобской модели, сконструированной извне для восставших постсоветских меньшинств, говорит о том, что она рассматривается в качестве таковой только сегодня.

Утверждение конструкции русской нации извне является проблемой, возникшей только сегодня. Неактуальность этой проблемы связана с тем, что русские сумели благодаря православному религиозному выбору создать русскую идею намного раньше, чем были созданы европейские нации. Здесь важно помнить о том, что русская идея отличается существенно от идеи нации [2; 3; 5].

Сущностной чертой данного различия следует считать то, что русская идея возникла на основе связи религиозного опыта и философии. Здесь философия человека, как части народной субъектности, противопоставляется философии человека как вещи. Русская идея субъективна и обращается к народу как к субъекту [3, с. 115]. Она социально субъектна. Народ здесь как субъект органичен, а европейская нация конструктивна. Разность между органической субъектностью и конструктом усматривается в том, что народ как таковой невозможно использовать в качестве инструмента для меньшинства, а нацию можно [5, с. 77].

Обсуждение

Инструменталистское использование нации меньшинством следует рассмотреть в качестве отличительной черты народа и нации. Однако органичность народа многие полагают возможностью для признания нации в качестве иного социально-исторического явления, нежели народа. Между народом и нацией нет преемственности. Как отмечает А.И. Бобков: «Конструкт нации же, наоборот, постоянно разрушает этот этноцентр, предлагая все новые, заимствованные сценарии рождения нации. В частности, как раз на место крестьянской общины в этническом мышлении в качестве прародителя приходит независимый от коллективных представлений мелкий буржуа. Он логичен и рассудочен, предпочитает относительные истины поиску абсолюта, закон благодати, изменение развитию. Для него история должна быть полна разрывов» [5, с. 76].

Если кто-то эту преемственность усматривает, то на самом деле это тот, кто либо заменяет народ нацией на всем его историческом существовании, обозначая их как единую сущность, либо тот, кто подменяет народную субъектность конструктом нации сознательно. Так, первый путь мы находим у Н.А. Бердяева, высказавшегося о нации, как об этнокультурном субъекте (народе) в следующем умозаключении: «Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрывка исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время. Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим и будущим. Нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью, она не может допустить исключительного торжества будущего над прошлым» [1, с. 104].

Русская идея не является идеей нации в связи с тем, что экспансионистских устремлений в ней нет. Доказать это отсутствие можно на примере того, что символическое проникновение православия осуществлялось на уровне создания алфавитов. При этом следует отметить русская идея стремится дать бесписьменному народу возможность войти в создание письменных сакральных текстов. Рассмотреть в них духовные основы этнокультурного сообщества. Русская идея не опасается встречи с духовностью народа не русского. Для нее общество – это не власть. Для нее общество – соединение духовностей личностей и социумов. Мы для нее такой же субъект, как и я. Русская идея идет от общины в силу того, что иерархия для нее вторична [5]. Я государя находится между божьим замыслом и народной мудростью.

Созданное властное общество, как идеологическое воплощение Третьего Рима не должно поддаваться искушению национализмом в силу того, что конец сакрального социального с его властью массы обозначает конец человека. Социум больше создать человека не может, а значит суверен такой же индивид, как и все. Расколдованный мир в первую очередь означает конец Бога и народа, а значит конец святой власти, справедливой власти. Власти идеи.

Преемственность здесь важнейший смысл отличия русской идеи от идей нации. Нация готова начать с нуля, с объективации прошлого, с его осуществления. Вещи прошлого должны давать власть и демонстрировать лишь индивида. Русской идее такое положение невыносимо. Она потому и в марксизме искала и нашла то, что Запад не искал. Она в пролетариате нашла народ, а Запад нашел нацию, как могущество буржуа.

Отличительной чертой нации является тот факт, что социальная консолидация в данном случае достигается за счет того, что предельным интересом для нее выступает мировое господство. Мировое господство, позволяющее совершать культурный обмен таким образом, что вещь становится более значимой целью истории, чем замысел творца.

В данном случае замысел творца переводит русскую идею из материального, вещного господства в мистериальное. Предельный интерес народа в рамках русской идеи совсем не похож на предельный национальный интерес. Пауль Тиллих в данном случае ошибался в том, что объединял русский коммунизм и национализм в том, что технократическое материальное изобилие свойственно им обоим. Решение социальных противоречий в данном случае в коммунизме и национализме разное. Причина в том, что в национализме избранное буржуазное меньшинство подменяет исторический интерес народа своим интересом. В русском коммунизме такое проявление встречается, но не является предельным интересом. Под пониманием национализма и коммунизма как квазирелигии, выдвинутом П. Тиллихом в качестве объединяющего две наиболее мощные консолидирующие идеологии прошлого века, таится попытка снять с католицизма и протестантизма их квазирелигиозный характер и актуализировать их через национализм и коммунизм [2, с. 25].

Точность обозначения нерелигиозного смысла национализма П. Тиллиха не разделяет Б. Андерсон, помещает национализм между католицизмом и протестантизмом [3, с. 101]. Религиозный же смысл русского коммунизма в данном случае постигается тогда, когда русская идея продолжается в нем вопреки его вещности. Гуманистический смысл последней угадывается в том, что народ в ней не соединяется с массой не с целью ее инструментального использования, а с целью полной субъективации социального, уничтожающей массу. Разрыв русской идеи и массы в данном случае и утверждается через инструментальное использование народа в интересах партийной клики.

Однако данная концепция не является единственной и не бесспорной. Следует заметить, что возникновение теории этнокультурной субъектности произошло как раз во время господства коммунистической идеологии. Важность этого замечания заключается в том, что безнародное существование общества в дискурсе русской идеи не прерывалось даже в рамках господства идеологии коммунизма. Причина здесь в том, что русский коммунизм не является совсем идеологией. У него есть идеологические черты, но и черты религии в нем также есть. Частная собственность здесь отменена, а это свойственно религии, например, первохристианству. В национализме же она не отменена. Национализм берет идею нации иерархически, духовная община для него народной быть не может.

На постсоветском пространстве национализм сепаратистского типа конструирует нации в интересах компрадорской буржуазии из массы. Эти квазинации отличает одно, они, как правило, начинают свое существование в тот момент, когда русская идея начинает демонстрировать свою невозможность сконструировать нацию из русских. Русские настолько отрицают возможности глобального обуржуазивания элит и государств, что во многих случаях это подается как их обреченность на уступки и исчезновение [6, с. 206].

Например, запущенный на постсоветском пространстве проект «Анти-Россия» является ничем иным, как сменой языка русской идеи на англоязычный квазинациона-

лизм. В любом антироссийском проекте возрастает русофобия, как констатация факта отсутствия, будущего у России и русских. Ограбление будущего в данном случае подается в рамках компрадорского квазинационализма как символическое насилие над русской идеей. Идентичность в рамках русской идеи подается как «смертоносная идентичность» [8, р. 61]. При этом все носители идентифицирующего новояза стремятся перевести лишь такие тексты, в которых подается символическое объединение русских и угнетения этнокультурного меньшинства в рамках их империи.

Этническое меньшинство, поднятое до состояния нации в проектах «Анти-Россия» ведет себя так, что провоцирует свое государство на реальное насилие против русского меньшинства такого вида, которое было описано в националистических мифах про русских, но не имеющего к ним никакого отношения. Утверждается антиномия. Нацистское насилие приписывается нации, которую нацией не считают. Между тем именно квазинации ведут себя так, что русским ничего не остается, либо возобновить русскую идею, либо поддаться ассимиляции и возглавить агрессию против тех, кто пришел к русской идее [4, с. 16].

Здесь самое интересное заключается в том, что русская идея отрицает наличие национальных интересов в силу того, что национальное превосходство для них является наиболее опасным. Православный дискурс в данном случае больше требует смирения нежели превосходства [5, с. 28]. При этом технологическое насилие избранного меньшинства над природой вызывает желание быстрее вписаться в цивилизацию, чем в культуру. Русская мыслительная культура, противостоящая сущему через идею, в данном случае провозглашается настолько тупиковой, настолько научно отдаленной, что социальная воля русских в следовании их русской идее. Русская идея в данном случае признается единственным консолидирующим началом социального бытия. Именно идея, а не вещь, позволяющая экспансионистски уничтожать всю культурную самобытность во имя унификации этнокультурного разнообразия.

Русская идея же – это разнообразие отстаивает в силу того, что для русских объективация социального обозначает могущество избранности над соборностью. Для русских наблюдать за другими сообществами, как за подопытными объектами, означает лишать себя воли или пространства вмещающего человека. Это наблюдение убивает идею межсубъектного этнического диалога. Русская идея до предела озабочена тем, чтобы сохранить этнокультурную субъектность, иначе диалога не будет. Меж субъектный диалог в данном случае порождает идею, сохраняет ее и раскрывает сущность человека. Народ, лежащий в основании, не способен предстать в образе познающего субъекта, он занят самопознанием. Самопознанием через межсубъектное социальное взаимодействие.

При этом важнейшим аспектом русской идеи выступает тот факт, что она признает только добровольную солидарность. Между объектом и субъектом такой солидарности быть не может. В силу того, что принуждающее воздействие общества на человека возможно лишь в силу того, когда между ними нет идеи. Есть только вещь. Вспоминается Э. Дюркгейм, призывающий относиться к социальным фактам как к вещам. Идея интегрирует иначе. Она интегрирует тогда, когда субъектное взаимодействие порождает внеиндивидуальное и внеродовое человеческое существование в иной социальной реальности. Народ есть в таком случае иное социальное.

Иное социальное в данном случае есть социальное, имеющее в основании не массу индивидов, выдвигающих наверх наиболее бесчеловечных особей с повышенной волей к власти над обществом, а коллективное мы, как наиболее приближенное к идеалу социальное. Социальное мы в данном случае понимается, как пояснял С.Л. Франк, не как собранное в арифметическом дискурсе механическое сочетание «я», а как собравшееся в результате диалога, где значимость «ты» такая же как значимость «я», «мы». Вот его замечание: «Но что же такое есть это первичное единство? Оно есть не что иное, как начало, грамматически выражаемое в слове «мы». «Мы» совсем не есть просто «множественное число» от «я» (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих «я»» [7, с. 50]. Именно здесь прояв-

ляется сущность русской идеи, как отслеживания в историческом поведении народа замысла соборного, как замысла творца.

Идея нации в данном случае предполагает иное. Ей во чтобы то ни стало необходимо утвердить общество иерархически. Через узнавание в буржуа каждым индивидом самого себя. Тотального одиночества через тотальное присутствие массы, с коей не хочется быть, но необходимо мимикрировать. Быть собой, но не быть частью. Таков познающий субъект, как мыслящий.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, отметим тот факт, что русская идея далека от понимания того, что идея нации как проекта является приемлемой для русских. Им свойственно понимание того, что русская идея в первую очередь является духовной целью религиозного смысла философии, не воплощаемой ни в каком конструкте.

Кроме этого, воспроизводство русской идеи достигается лишь в условиях того, что народ в первую очередь воплощает идею культуры, а не цивилизации [6, с. 39]. Именно здесь суть русской идеи заключается в обретении субъектности народа в процессе сохранения и воспроизводства ценности преемственности. Это процесс в свою очередь начинается тогда, когда в русской идее более значимой ценностью признается ценность этнокультурной субъектности, а не ценность конструирующей нацию из массы познающего субъекта. Именно преемственность не дает состояться идее нации в России. Именно она предполагает, что деструктивный смысл цивилизационной экспансии или этноархаического сепаратизма в интересах восставших меньшинств вызывает актуализацию несовместимости русской идеи и идеи нации. Поэтому проект русского народа противоположен проекту русской нации.

Список источников

1. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
2. *Бобков А.И.* Квазирелигиозный опыт в правоохранительной деятельности. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 128 с.
3. *Бобков А.И., Кармадонов О.А.* Религиозный опыт как фундирующее начало этнической субъектности // Социодинамика. 2017. № 3. С. 101–117.
4. *Бобков А.И., Гальцев С.А.* Речь А.П. Шапова на Куртинской панихиде как акт трансгрессивного определения этнической субъектности // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 10–17.
5. *Бобков А.И.* Этническое мышление против конструкта нации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 74–86.
6. *Сагатовский В.Н.* Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 217с.
7. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
8. *Maalouf A. Les Identités meurtrières.* Paris: Grasset, 1998. 189 p.

References

1. *Berdyayev N.A.* Philosophy of inequality. M.: Institute of Russian Civilization, 2012. 624 p.
2. *Bobkov A.I.* Quasi-religious experience in law enforcement. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. 128 p.
3. *Bobkov A.I., Karmadonov O.A.* Religious experience as the underlying principle of ethnic subjectivity // Sociodynamics. 2017. No. 3. P. 101–117.

4. *Bobkov A.I., Galtsev S.A.* Speech by A.P. Shchapova at the Kurtinskaya memorial service as an act of transgressive definition of ethnic subjectivity // Humanitarian and social sciences. 2017. No. 6. P. 10–17.
5. *Bobkov A.I.* Ethnic thinking against the construct of the nation // News of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies. 2015. Т. 11. P. 74–86.
6. *Sagatovsky V.N.* Russian idea: shall we continue the interrupted path? St. Petersburg: ТК Petropolis LLP, 1994. 217 p.
7. *Frank S.L.* Spiritual foundations of society. М.: Republic, 1992. 511 p.
8. *Maalouf A.* Les Identités meurtrières. Paris: Grasset, 1998. 189 p.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.
